

Забывтый Зубатов

окончание, начало в №№2-4

Русский профессор, финансист, экономист, специалист по городскому планированию Иван Христофорович Озеров даёт в своей «Политике по рабочему вопросу в России за последние годы» очень сочувственное описание московской организации рабочих: «Как известно, в 1901–1902 гг. возникли среди рабочих организации, сыгравшие видную роль в развитии рабочих масс у нас. Рабочие почувствовали себя здесь людьми, это всколыхнуло тихое болото, они ухватились за опору, и все боли и горести вылились наружу. Послышалась масса жалоб. В личной беседе [...] мы (лекторы) доказывали всю необходимость организаций касс взаимопомощи при развивающейся промышленности, что нет основания бояться таких организаций, наоборот, неорганизованный, холодный и голодный рабочий представляет большую социальную опасность».

«Это, помню, было зимою в 1903 году. Ко мне и к двум из моих товарищей, работавших со мной вместе в мастерских Курской железной дороги, пришел Игнатов и предложил нам назавтра вечером побывать у Зубатова, сказав при этом, что Зубатов очень интересуется нами и желает лично познакомиться. Посоветовавшись между собой, мы решились пойти и назавтра вечером должны были сойтись с ним в условленной чайной.

На другой день дорогой, идя к Зубатову, я рисовал его в своем воображении в виде грозного жандарма «держиморды», я воображал, как он будет нагло предлагать нам сделаться его агентами, и придумывал способ благополучно выйти из этого положения.

На звонок у парадного дверь открылась, и мы вошли в маленькую переднюю, где нас встретил сам хозяин той квартиры – С. В. Зубатов. Он сам любезно помог нам раздеться, и когда Игнатов познакомил нас с ним, пригласил нас в кабинет.

Резкий контраст между воображаемым и действительным Зубатовым на первых порах меня озадачил. Вместо грубого жандарма я увидел любезного, с приличными манерами, средних лет господина, одетого в штатское. Он первый начал разговор на тему о ходе дел в организации.

Я ему заметил, что за последнее время интерес рабочих к ней начинает как бы падать, так как в области разговорной перед рабочими открыт широкий мир лучшей жизни, но в действительности положение наше не улучшилось ни на йоту.

– Мне думается, – продолжал я развивать свою мысль, – что если бы теперь рабочим хоть сколько-нибудь улучшить материальное положение, путем ли

увеличения заработной платы, или как-нибудь иначе, то интерес рабочих снова бы возрос, так как они увидели бы, что эта организация не пустой звук.

– Вы правы, – отвечал он, – но вы забываете, что экономическое улучшение быта рабочих идет параллельно с ростом их самосознания, а потом, наши фабриканты едва ли будут склонны пойти добровольно на какие-нибудь уступки в вашу пользу. Нужно, чтобы власть, государственная власть заставила их это сделать.

Он встал со стула и несколько минут ходил молча по комнате.

– Знаете ли что, – сказал он, вдруг остановившись. – Мне до боли бывает тяжело видеть, когда рабочий, придя к нам, чиновникам, просит о чем-либо, гнется перед нами чуть ли не в три погибели. Несчастный, жалкий, слепой человек! Не ты перед нами, а мы перед тобой должны гнуть спину. Ведь всем своим существованием, всем довольством жизни мы обязаны тебе, твоему неустанному труду. Могу ли я ему сказать это? – обратился он как бы с вопросом. – Разумеется, нет. Вот почему я и сказал, что лучшее существование рабочего придет к нему вместе с ростом его самосознания.

Тон его голоса и чувство, с которым была произнесена эта речь, звучали искренностью, но эти слова говорил Зубатов, – лицо, стоящее во главе Московского охранного отделения. Я смотрел на него, вытаращив глаза, изумленный, пораженный, и в то же время недоумевающий. У меня, что называется, голова кругом пошла.

(Прудников. Из воспоминаний о Зубатове. Зима, начало 1903 г.)

мануфактур-советник Савва Морозов при личной встрече с Сергеем Зубатовым: «На основании нашей беседы я составил себе убеждение, что затеянное Москвою дело носит резкий отпечаток вашей

личности: ваших архимонархических и политических верований, ваших, не вошедших еще в обиход, экономических взглядов, ваших страстных упований на деятельно-благожелательную мудрую и силь-

ную власть, вашего пылкого отношения к делу, и в этом серьезный недостаток всей постановки вашей системы: без вас она не пойдет»...

Все именно так и получилось. Россия избрала путь страданий.

15 (28) июля 1904 года в Петербурге, на Измайловском проспекте, близ Варшавского вокзала Вячеслав Константинович фон Плеве был убит террористом-эсером, студентом Егором Созоновым, бросившим бомбу в его карету. На пост министра внутренних дел был назначен генерал-адъютант Петр Дмитриевич Святополк-Мирский. При новом министре Сергей Зубатов был полностью реабилитирован, с него были сняты все ограничения, ему была назначена пенсия, открывался путь к возвращению на службу. Спрос на него как специалиста был велик, и его стали настойчиво звать в Петербург. По словам Зубатова, он поочередно получал предложение вернуться на службу от Святополк-Мирского, Трепова и Витте. Однако возвращаться на службу он уже не хотел. В письме к В.Л. Бурцеву он объяснял свое нежелание соображениями личной и семейной безопасности, а также тем, что возвращение дисгармонизировало с его духовным состоянием. «Мне бы пришлось опять сосредоточиться на репрессии, а это ещё менее прежнего могло удовлетворить меня, ибо не в ней, по-моему, лежит суть дела», – писал Зубатов. Зубатов продолжал следить за развитием событий и возлагал свои надежды на реформы Святополк-Мирского, Трепова и Витте, которых считал своими единомышленниками.

В годы Первой русской революции Зубатов пытался заняться публицистикой и разместил несколько статей с изложением своих монархических взглядов в газете В.П. Мещерского «Гражданин».

«Факты последних лет засвидетельствовали: ныне проводятся новые фабричные законы, а социал-демократия растёт и приходится отбирать раньше разрешенное; создаются политические реформы, а оппозиция использует их лишь для собственного роста, – писал в те годы Зубатов. – Здесь будет своевременно заметить, что, допуская в виде опыта выступление рабочих на путь самопомощи, самодеятельности и самоопределения в фабрично-заводских делах, вне слепого подчинения хозяйской указке, администрация имела в виду внести тем самым успокоение в рабочую среду в отношении социалистической пропаганды, отнюдь не предполагая наносить тем какой-либо урон интересам предпринимателя.

В силу этого, ярые выпады последних против московской администрации были совершенно неуместными, так как предприниматели вмешивались не в свое дело, выступая с рассуждениями на чисто политические темы (например, об опасности от объединения рабочих). Распоряжаться же по произволу чисто экономическим аппаратом никто, конечно, серьёзно не думал, тем более, что союзно-профессиональное рабочее движение ставило своей целью превратить рабочего человека из индифферентного целям предприятия наймита в сознательного работника, тесно связанного с духовными и материальными интересами того торгово-промышленного предприятия, к делам которого он прилагает свой труд».

Однако это только вызвало против него нарекания. Личность Зубатова вызывала неприятие как правых, так и левых партий. В начале 1906 года Зубатов написал письмо в журнал В.Л. Бурцева «Былое», в котором опровергал некоторые выдвинутые против него обвинения. Воспользовавшись этим предлогом, Бурцев завязал с ним переписку, в которой настойчиво предлагал писать воспоминания о своей полицейской службе. По собственному признанию Бурцева, он рассчитывал таким образом получить материалы, необходимые ему для борьбы с Департаментом полиции. Зубатов написал Бурцеву несколько писем, однако об этом стало известно в Министерстве внутренних дел. В Департаменте полиции возникли сомнения в политической благонадёжности Зубатова. Ему было поручено сообщить о нежелательности таких контактов, и переписка прекратилась.

В 1910 году Зубатов вернулся из Владимира в Москву и поселился в Замоскворечье на улице Пятницкой. Политикой он больше не занимался. По некоторым данным, Зубатов начал писать мемуары, однако от них не осталось никаких следов. В феврале 1917 года в России началась новая революция. 2 марта император Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила, а 3 марта Зубатову во время обеда пришло известие об отречении Михаила. Сергей Васильевич молча выслушал это сообщение, вышел в соседнюю комнату и застрелился...

Кратко и точно определил суть «зубатовщины» и возможное ее будущее русский предприниматель, меценат и благотворитель,

Москва, июль 1904 года, на месте убийства министра внутренних дел В.К.Плеве. Видны остатки разбитой взрывом кареты.

Подготовил Артем Барабанов
Литература:

С. В. Зубатов. Зубатовщина не по Морскому (11 декабря 1912 года, Москва. журнал «Былое». – СПб., 1917 – № 4);

Записка надворного советника С.В.Зубатова директору Департамента полиции А. А. Лопухину об обстоятельствах его увольнения со службы (сентябрь 1903 года).

Прудников. Из воспоминаний о Зубатове. Зима 1903 г. («Путь к Октябрю», вып. 1, 1923 г.).

И.Х. Озеров «Политика по рабочему вопросу в России за последние годы» (Москва: изд-во Сытина, 1906 г.).